

Реформа РАН: между прошлым и будущим

1. Как вы оцениваете результаты реформы, начавшейся в 2013 году?
2. Каким вам видится дальнейшее развитие РАН, академических институтов, научной сферы в нынешних реалиях?

Вадим БРАЖКИН, академик РАН, директор Института физики высоких давлений им. Л.Ф.Верецагина РАН

1. Реформы оцениваю как разрушительные. Почти полностью уничтожена связь научных институтов с Президиумом и профильными отделениями РАН. Многократно выросло число чиновников. Соответственно, и нагрузка на ученых секретарей, плановый отдел и дирекцию институтов. В десятки раз увеличилось число отчетов и форм - на 90% бессмысленных. Финансирование институтов первые три года реформы сокращалось. Не-

большой прогресс наблюдается лишь в текущем 2018 году, но только в отношении зарплаты и только научных работников (и то не во всех регионах). Даже в этих условиях бывшие институты РАН производят свыше половины научной продукции и 70-80% высококачественной научной продукции России. Тем не менее престиж академической науки продолжает падать, молодые ученые предпочитают более "хлебные" и спокойные места: Сколково, ВШЭ, зарубежные центры.

2. Дальнейшее развитие научной сферы почти полностью определяется несколькими людьми. Каковы их дальнейшие планы, можно только догадываться. В идеале хотелось бы видеть скорейшее получение Академией наук особого государственного статуса и постепенное возвращение научных институтов под юридический и финансовый контроль РАН. Чтобы обеспечить будущее академических институтов, необходимо возродить на новом уровне систему академической аспирантуры и создать постоянно действующую систему постдоков. В ее рамках должно быть предусмотрено строительство гестхаусов при институтах РАН и создание зарплатного фонда постдоков.

Сергей СТИШОВ, академик РАН, научный руководитель Института физики высоких давлений им. Л.Ф.Верецагина РАН, председатель Троицкого научного центра РАН

1. Самые пессимистические прогнозы, связанные с реформой РАН, к сожалению, сбылись. Академию наук России, преемницу Академии наук СССР и Императорской Академии наук с 300-летней историей, публично унизили, лишив ее институтов и включив в состав громоздкой объединенной структуры. Это деяние сопровождалось беспрецедентной клеветнической кампанией, что снизило накал протестного движения. Власть показала, что для нее ничего не свято. Все было проделано нарочито грубо и жестоко, по образцам не очень далеких лет, когда арестованному командарму, герою и орденосцу, сходу выбивали зубы, показывая, что его заслуги перед советской властью ничего не значат.

Оторвав институты от РАН и подчинив их ФАНО, власть уподобила научных сотрудников чиновникам, работникам коммунальных служб, грузчикам. Опираясь на наукометрические критерии и при этом не понимая их сути, ФАНО стремилось превратить ученых в механизмы, непрерывно производящие

печатную продукцию, содержание которой чиновников не волновало.

Главный порок этой системы состоит в том, что она просто не оставляет ученому времени для того, чтобы подумать, поставить очередную задачу, подготовить базу для новой разработки. Все действия должны немедленно давать подлежащий учету результат. В итоге научный работник превращается в ремесленника, из года в год выполняющего повторяющиеся операции.

2. В связи с ликвидацией ФАНО, назначением М.Котюкова министром науки и вхождением академических институтов в состав нового министерства я ожидаю дальнейшего усиления бюрократического давления на научные организации и ученых, ликвидацию остатков академических свобод, падение престижа академической науки и, как следствие, истощение человеческих ресурсов. Желаящих заниматься научной деятельностью в России будет становиться все меньше.

Что же касается Академии

наук, на мой взгляд, ее положение при отсутствии четко определенного круга задач является весьма шатким. Академические советы и консультации, как мне кажется, мало кому нужны. Основанием для подобного рода суждений является, например, тот факт, что Президент РАН узнал об организации нового научного министерства из новостей. Думаю, что следует ожидать существенного сокращения активности Президиума и отделений РАН и окончательной утраты научных и организационных связей с институтами, некогда бывшими академическими.

Евгений ОНИЩЕНКО, научный сотрудник Физического института им. П.Н.Лебедева РАН, заместитель председателя Профсоюза работников РАН

1. Наиболее сильным впечатлением от реформы РАН 2013 года было впечатление внезапно нанесенного удара, спецоперации. Даже критики Академии наук в своем большинстве не приняли такого стиля реформирования. Неудивительно, что реформа резко снизила уровень доверия к власти и за прошедшие пять лет это отношение кардинально не изменилось.

Пожалуй, основным результатом прошедшего пятилетия можно назвать полное встраивание академической науки в российскую бюрократическую реальность. Раньше РАН стояла несколько особняком по отношению ко всем прочим государственным структурам, академические институты были ограждены от многих идущих сверху бюрократических "сигналов", а законы и иные правовые нормы трактовались порой достаточно либерально. После передачи институтов в ведение ФАНО все изменилось.

Научные сотрудники, не особенно интересующиеся административно-управленческими вопросами, склонны ругать ФАНО за рост бюрократизации в последние годы. На самом деле вина агентства не так уж велика. Вопреки опасениям руководство ФАНО продемонстрировало способность находить общий язык с РАН и общественными организациями. Но руководители Академии наук до реформы 2013 года могли себе позволить рассуждать в стиле "это полная глупость, давайте постараемся ее игнорировать", а руководители ФАНО - государственные служа-

щие - такого себе позволить не могли. Поэтому академические институты в полной мере хлебнули того, что давно уже является нормой для сотрудников других отраслей. ФАНО даже при желании не могло исправить многих вещей, поскольку ответственным за нормативно-правовое обеспечение научной деятельности было Министерство образования и науки.

Естественным следствием встраивания академической науки в "вертикаль" стала деградация академического самоуправления. Ученые советы в бюджетных организациях превратились в сугубо совещательные органы. ФАНО, назначенное "завхозом", в принципе, не могло вникать в содержательную сторону дела. Поэтому агентство не лезло во внутреннюю жизнь институтов и, в общем, правильно делало.

Раньше роль арбитра в сложных ситуациях и при наличии конфликтов в институтах играла академия, принимавшая решения на основе квалифицированного рассмотрения сути вопроса. Когда она в 2013 году была

отстранена от управления институтами, огромную значимость приобрела фигура директора. Там, где оказались сильные академические традиции, а директорами были приличные люди, особых проблем не возникло. Но есть разные институты и разные директора. В последнее время все чаще приходится слышать о неприятных конфликтных ситуациях и странных управленческих решениях. Взять, к примеру, случай с увольнением значительной части молодых сотрудников Пулковской обсерватории в связи с окончанием у них трудовых договоров.

Анализ послереформенных событий позволяет предположить, что единственной целью закона о РАН был вывод академических институтов из подчинения Академии наук, при этом не было никакого продуманного плана, что делать с ними дальше. В итоге ФАНО пришлось заниматься демонстрацией процесса реформирования академической науки: инициаторам "реформы РАН" нужно было показать власти, что идут какие-то перемены. В этом смысле наиболее заметным результатом реформы стала реорганизация сети академических институтов, в первую очередь, объединение НИИ в регионах, вызвавшее недовольство научного сообщества. В некоторых случаях, когда сливались схожие по профилю институты, вопросов было меньше. А вот соединение под одной крышей физиков, биологов и филологов явно происходило не в интересах дела. В одних случаях это было способом избежать

поглощения института крупным университетом, в других - кампанейщиной или реализацией амбиций институтского начальства, а порой возможностью избежать процедуры оценки результативности.

Какими будут результаты передела ресурсов между научными направлениями в соответствии с представлениями руководства созданных центров? Смогут ли картофелеводы под руководством технарей вырастить бронебойную картошку? Это покажет будущее. Однако Счетная палата уже сегодня заявила, что проведенная ей проверка подтвердила неэффективность реструктуризации научных организаций.

2. С перспективами все сложно. После выборов нового президента РАН конструктивное взаимодействие Академии наук и власти стало налаживаться. Президент страны внес в Государственную Думу законопроект, существенно расширяющий полномочия РАН. Наконец, министром науки и высшего образования был назначен Михаил Котюков, продемонстрировавший способность находить общий язык с академическим сообществом.

Однако ситуацию с финансированием и правовым регулированием научных исследований благоприятной не назовешь. Да, в 2018 году, в том числе и благодаря активным усилиям Профсоюза работников РАН, финансирование фундаментальных исследований выросло по сравнению с 2017 годом почти на четверть - на 30 миллиардов рублей. Однако в последующие

годы запланировано сохранение бюджетного обеспечения фундаментальных исследований примерно на текущем уровне - в 150 миллиардов рублей. При этом основная часть выделенных в этом году дополнительных средств пойдет на повышение зарплат только одной категории, научных сотрудников, причем в основном столичных регионов.

Необходимо понимать, что даже в 2018 году российская фундаментальная наука с учетом инфляции не вышла по финансированию на уровень 2014 года. А по доле ВВП, которую Россия расходует на фундаментальные исследования, мы находимся на уровне Мексики и ЮАР. Оптимизма это не добавляет.

Российская бюрократическая машина не склонна учитывать особенности научной деятельности, в том числе и в плане нормативно-правовой базы. Что говорить об академическом самоуправлении и создании благоприятных условий для научной деятельности, если правительство даже президентские поправки к закону о РАН, расширяющие права академии, и то решило скорректировать.

На мой взгляд, реальное улучшение ситуации возможно только при условии активности Академии наук и всего научного сообщества. Как известно, спасение утопающих - дело рук их самих. Если мы не будем настойчиво и аргументированно доносить свою позицию до правительства, то отдельные здравомыслящие чиновники мало что смогут сделать.